Андрей Федорович ДУНАЕВ:

Тайн, связанных со мной, хватило бы не на одну книгу

- Андрей Федорович, у вас неординарная судьба. Какие дни из пережитого считаете наиболее значительными?

- Вне сомнения, это дни третьей декады августа 1991 года. Ни у кого нет такого архива о тех событиях, какой хранится у меня. На одной из фотографий - курсанты школы милиции, которые арестовывали Крючкова, председателя КГБ СССР… На другом снимке - мой отряд, 15 человек, летавших в Форос, к Горбачёву… Другие мои ребята охраняли «Белый дом» и арестованных гэкачепистов…

В августе 91-го я был заместителем министра внутренних дел РСФСР, официально - коммунистом, но по убеждениям - уже демократом. Те, кто готовил путч, планировали таких людей от событий изолировать. Мне, редко ходившему в полноценные отпуска, тем более летом, вдруг выделили путевку в элитный санаторий под Форосом. Вылететь я должен был как раз 19 августа. Включаю утром телевизор, а там - «Лебединое озеро». Позвонил своему начальнику - Виктору Павловичу Баранникову, который лежал в больнице. Он тоже почувствовал неладное. Короче, отправил я жену в Крым, сам - на службу, а в Москве уже танки. И в аппарате МВД России Дунаев оказался единственным генералом, который в тот момент остался на посту. Как только путчисты ввели войска, я подписал приказ о вводе в столицу на защиту «Белого дома» курсантов школы МВД России (только они были в моем непосредственном подчинении).

Визитка

Родился 27 августа 1939 г. в с. Алёшкино Тереньгульского района Ульяновской области. Окончил Алма-Атинскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР (1959 г.), Высшую школу милиции МВД СССР (1964 г.) и Академию МВД СССР (1979 г.).

36 лет проработал в органах внутренних дел Казахстана, Ульяновской и Вологодской областей, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР. Руководил Калининградской специальной средней школой милиции. Являлся заместителем и первым заместителем министра внутренних дел РФ. Дважды возглавлял МВД России. За участие в защите парламента РФ в октябре 1993 г. был арестован и пять месяцев содержался в изоляторе «Лефортово». Амнистирован в 1994 г.

В настоящее время – председатель совета директоров ОАО «Ульяновскскурорт».

Генерал-лейтенант внутренних войск в отставке. Заслуженный сотрудник МВД.

В Ульяновской области прожил 23 года. В Москве - с 1990 г.

Член Ульяновского землячества с 1997 г.

Тысяча этих ребят стала единственной силой, прибывшей на защиту демократии в первые двое революционных суток (потом присоединился генерал Лебедь). Считаю, что наше противостояние предотвратило гражданскую войну: члены ГКЧП, испугавшись кровопролития, отказались от штурма парламента.

- Кто второй раз послал вас в Форос - уже не на отдых, а вызволять Горбачёва?

- Происходило все так. 20 августа вице-президент РФ Александр Владимирович Руцкой приказал мне срочно захватить во Внуково самолет, подготовленный для вылета гэкачепистов к президенту СССР. Самолет, охранявшийся людьми из КГБ, я с ребятами взял без единого выстрела, внезапно. И мы - Руцкой, Силаев, Бакатин, мои курсанты и преподаватели - полетели освобождать Горбачёва. Пока летели, слышали на открытой волне приказы «Сбить самолет!», но кто-то, находившийся у курка, так и не решился его нажать.

После приземления Руцкой с частью моего отряда поехал за Горбачёвым. Я же дождался самолета с Лукьяновым, Крючковым, Язовым, Тизяковым и не выпустил их из аэропорта. А по прибытии в столицу мы этих путчистов арестовали. Героями событий на телеэкранах стали политики, хотя я считаю, что основной вклад внесли мои ребята. Позднее Ельцин публично признал, что Дунаев действовал смело и решительно. А тогда меня назначили министром внутренних дел России. Через полгода, когда МВД России и СССР слили в единую структуру, я стал первым замом министра, начальником криминальной милиции страны.

- Отчего же такой преданный и полезный человек в октябре 1993 года покинул стан Ельцина?

Генерал-лейтенант А. Дунаев дважды был министром внутренних дел России (с 13 сентября по 19 декабря 1991 г. и с 21 сентября по 4 октября 1993 г.).

- Я встал на защиту Конституции, потому что октябрьский расстрел парламента, высшего законодательного органа России, стал нарушением главного закона страны. А мы, находившиеся в «Белом доме», не позволили ни разу выстрелить по своим братьям-россиянам… Этому столкновению предшествовали не шуточные лично для меня события. Ельцин, собрав вокруг себя людей, которые, прежде всего, думали о своем кармане, по сути, предал демократию. В МВД под руководством Ерина стали скатываться к репрессиям на уровне 1937 года. Однажды министр сказал мне буквально следующее: «Надо, чтобы не было Анпилова!». Последнего, бузотера и провокатора, я не любил, однако физически устранять гражданина России не собирался. Тут уж меня обвинили в подготовке мятежа и отправили в резерв.

О предстоящем перевороте мне стало известно в период этого «отпуска»: до меня

через мои связи дошла информация, что создан штаб и готовится разгон Верховного Совета. Об опасности я объявил на экстренно собранном президиуме парламента, однако ни Хасбулатов, ни Руцкой действенных мер не приняли. А во время штурма Верховного Совета меня арестовали... Правда, уже в январе амнистировали. Теперь в нашей родословной двое революционеров-«сидельцев»: я и мой дед. Думаю, он гордился бы мною не менее, чем горжусь им я.

- Дед-то за что пострадал?

- Вообще, история моей семьи - это целая книга, по драматизму похожая на историю страны. Так вот, отец моей матери участвовал в Октябрьской революции 1917 года, боролся с басмачами в Средней Азии, получил один из первых орденов Красного Знамени. Потом со свойственным ему умением занялся крестьянским делом, в итоге за «успехи» был в 1932 году раскулачен и отправлен на Соловки. Когда вышел из лагеря, поехал строить уральский город Магнитогорск и здесь заработал еще один орден - Трудового Красного Знамени.

Другой герой нашей семейной драмы - мой дядя Василий, его танк первым вошел в Берлин 8 апреля 1945 года. Там, на первом параде Победы советских войск, ему доверили возглавить танковую колонну, а немецкий недобиток выстрелил по головному танку из фаустпатрона… Дядя похоронен под Потсдамом.

Род наш крепок мужиками. Отец мой был очень сильным и уважаемым в Алёшкино Тереньгульского района Ульяновской области человеком - печником, каменщиком, я сызмальства ему помогал, пример с него брал. А вот двое моих братьев так ска-

1957 год. Нет, не забудет никто никогда школьные годы!
(Третий слева в верхнем ряду - Андрей Дунаев).

зать о себе уже не могут, они умерли в послевоенные годы от голода… Когда я, четырехгодовалый, собирал колоски вместо того, чтобы читать сказки, никто в Алёшкино и представить такой сказки не мог, что Андрюшка, сын Федора, станет первым на селе и в семье Дунаевых министром!

- А кем же вы мечтали стать в своем деревенском детстве?

- Механизатором. И чуть им не стал, это первая профессия, которую я пытался получить. Учился в Алма-Ате, где жила моя тетушка. Денег нам с ней, как и всем в то время, не хватало. Ежедневно она выделяла мне мелочь на поездку в одну сторону - до сельхозинститута. Обратно я добирался пешком. Чтобы вновь не пропасть с голода, на товарной станции разгружал мешки с сахаром, каждый мешочек - по 80 килограммов. Мостки подо мной, 17-летним, длиннющим, худым, прогибались, каждый раз я думал, что вот-вот упаду. Не упасть и не пропасть помогла семейная закваска.

- Почему все-таки механизатор переквалифицировался в милиционеры?

- Однажды вижу на алма-атинской улице объявление, что школа КГБ ведет прием и дает слушателям по 40 рублей стипендии. Это ж бешеные деньги - вагоны отдыхают! Я прошел комиссию, продемонстрировал аналитические склонности (все-таки в Алёшкино был чемпионом по шахматам), и меня приняли. А через месяц - сокращение армии и органов КГБ. Школу перевели в милицейское подчинение. Вот так в 17 лет дважды изменилась моя судьба.

Школу я окончил в 20 лет, и начались будни сотрудника внутренних органов. Сначала работал в целинных местах - оперуполномоченным в Кустанайской области, потом заместителем начальника Джетыгаринского райотдела милиции (в тех местах, кстати, родился нынешний министр МВД Рашид Нургалиев), а возглавить районную милицию меня направили в Тереньгу. Вернее, в связи с наступавшим 100-летием со дня рождения В.И. Ленина высшее руководство страны решило укрепить Ульяновск кадрами, и начался подбор специалистов разных отраслей. Меня сочли достойным, я поступил в распоряжение областного УВД и уже там получил направление в родной район.

Через три года, когда наш райотдел победил во всесоюзном соревновании и был занесен в Книгу почета МВД СССР, меня послали «на укрепление» в самый крупный район Ульяновска - Ленинский. Шел декабрь 1969 года. Приехал я на службу 31 декабря, но не к праздничному столу, а к уголовному делу - пришлось сразу приступить к раскрытию кражи… Я был фанатом своего дела!

- Сколько человек поступило в ваше подчинение в центральном районе Ульяновска?

- Пятьсот сотрудников. Пришлось приложить немало усилий, чтобы эти люди в меня поверили. Но раскрываемость преступлений скоро пошла вверх, и райотдел тоже был занесен в Книгу почета МВД.

- После Ульяновска служебная карьера закрутила вас по национальным республикам?

- Можно сказать и так. Правда, сначала я получил приказ возглавить Сочинский горотдел. Однако в Грозном - внешне советском, цветущем, но с затаенными национальными проблемами, вспыхнули волнения. С учетом того, что в Казахстане мне пришлось много работать с сосланными туда Сталиным чеченцами, получаю другой приказ - отправиться в Чечено-

Ингушскую АССР. В Грозном я с 1973-го по 1978 год возглавлял уголовный розыск. До меня на этом посту за пять лет сменились шесть человек…

В те «грозные» годы меня дважды признавали лучшим сыщиком Советского Союза, а я, подводя итоги первых четырех лет, подсчитал, что выезжал на осмотр тысячи трупов. Если обычному человеку каждый день показывать по трупу, то можно и с ума сойти. В конце концов, я заявился к министру с ультиматумом: «Или вы меня отсюда убираете, или считайте меня злейшим врагом». Не знаю, «напугал» я его или он меня по-человечески понял, но после этого меня направили учиться в Академию МВД СССР.

- Немного передохнули?

- Как бы не так! В Осетии в ресторане убили 17 человек, и я параллельно с учебой несколько месяцев раскрывал это дело.

- Каким принципам следовал следователь Дунаев?

- Старался быть объективным, честным в профессии. Тот осетинский конфликт подтолкнул меня к демократическим взглядам. Кому-то потребовалось, чтобы вину за преступление свалили на чеченцев. На меня «давили», подозревали в подкупе, а в виде водителя даже подсадили сотрудника КГБ. Но я доказал, что чеченцы не имели отношения к тому преступлению.

Вообще, обстановку в Чечне я изучил лучше многих, у меня там до сих пор сотни друзей. Для этого народа очень важно понятие «родового гнезда». Когда чеченцы после сталинских репрессий начали возвращаться на родину, их дома были заняты русскими, украинцами, казахами. Бывший владелец мог подойти к своему «гнезду», достать кинжал и медленно, молча, долго точить его перед новыми хозяевами… Разве сложно понять чувства горца и учесть подобные психологические моменты в отношениях между народами?

1968 год. В Тереньге - праздник, а милиция - на посту.

После академии, в 1979 году, я поднялся в служебной карьере еще на одну ступеньку - меня назначили заместителем министра внутренних дел Дагестанской АССР. И, наконец, вернули в русские края - начальником УВД Вологодской области. В то время я стал уже генералом милиции, самым молодым в Союзе.

- Момент присвоения генеральского звания помните?

- Конечно. Замминистра внутренних дел, брежневский зять Юрий Михайлович Чурбанов, придержал меня за пуговицу на кителе: «Видишь, ты на пузе носишь герб страны… Понимаешь, что это такое? Никому не сдавайся, имей в виду: совесть должна сверяться с этим гербом». Шел 1982 год, «на сверку» гербу оставалось одно десятилетие…

В Вологде я проработал до горбачевской перестройки. Принимал участие в строительстве «Северстали», в том смысле, что управлял двенадцатью спецкомендатурами, в каждой - по две тысячи условно освобожденных «строителей». На Вологодчине вновь столкнулся с двойной партийной моралью. За хищения социалистической собственности пришлось привлечь к ответственности двух секретарей райкомов. Тогдашнему первому секретарю Вологодского обкома КПСС Валентину Купцову такой позор мог выйти боком, и он всячески мешал вести дело. Противостояние завершилось тем, что меня перевели в Москву, где я полгода ждал новой работы, а потом возглавил Калининградскую школу милиции.

- Ну, хоть на Балтике-то перевели дух?

- Покой нам только снится! Скоро вместе с курсантами пришлось отправиться в Чернобыль, где мы «хлебнули» радиации. Первые четыре курсанта умерли через полгода после возвращения, скончался и мой заместитель… Меня, думаю, спасло родовое здоровье - дед прожил до 98 лет, отец - до 96-ти. Ну, и без спирта не обошлось: каждый вечер им обтирался и вливал стакан внутрь.

Потом случился карабахский конфликт: четыреста моих курсантов охраняли часть границы между Арменией и Азербайджаном. Тряхнуло Спитак: наш отряд вошел в город первым и трое суток, до подхода войск, выкапывал гибнущих людей и трупы. Никогда не забуду, как 19-летние мальчишки спали: глаза закрыты, а руки движутся, словно разгребают землю…

- Где вы служили, когда вас избрали депутатом Верховного Совета РСФСР?

- Как раз вернулся из Спитака в Калининград и узнал, что меня, без моего согласия, выдвинули кандидатом в депутаты. Так ребята проявили свое ко мне уважение, за что им пришлось вести и мою агитКампанию. Считаю, что те выборы оказались в нашей стране пока единственными подлинно демократическими - советская система была разбита, а взяточная система еще не создана. Победил я с большим отрывом от соперников, хотя ОК КПСС поддерживал не меня, а мэра Калининграда, и инструктор обкома лично срывал мои плакаты. А после победы секретарь обкома стал давать мне установки, как голосовать на съезде народных депутатов.

- И тут-то вы показали свой политхарактер?

- Голосовал я по установкам, но - установкам своей совести. В Верховном Совете шла борьба за пост председателя. Выдвигался депутат Ельцин. А генсек Горбачёв в своем выступлении стал нам длительно внушать, какой-растакой этот Борис Николаевич. Некрасиво все выглядело, и я не

1991 год. Министр внутренних дел России А. Дунаев проводит совещание в УВД Вологодской области.

выдержал, прервал: «Михаил Сергеевич! Ну, мы же не Ельцина пришли обсуждать, а решать государственные вопросы!». Горбачёв почти сразу замолчал и сел. Могли «посадить» и меня, но обошлось. Хотя на предстоявшую ночку я, на всякий случай, переехал в другой гостиничный номер.

Горбачёв нам и позже оппонировал. Мне казалось, что мы принимаем продуманные решения, а окружение генсека безосновательно настаивает на своем. В итоге у меня возникла мысль создать группу депутатов-коммунистов, которые противились бы некомпетентным решениям ЦК КПСС и поддерживали новую, на мой тогдашний взгляд - демократическую, линию. За один день «дунаевского призыва» во фракцию «Коммунисты за демократию» записались 60 человек, среди них - Шахрай, Руцкой и другие известные персоны. Создание группы, где я остался заместителем координатора, а Руцкой выступил первым лицом, вызвало в обществе большой резонанс.

- ***Сегодня у вашей семьи, товарищ генерал-лейтенант… скорее, господин генерал-лейтенант, есть собственные заводы, банк, корабль, фермерское и даже курортное хозяйство.***

- Я не скрываю своего состояния и не стыжусь богатства. Бизнесом занялся в 1994 году, после того, как вышел из «Лефортово», написал рапорт «по выслуге лет» и завершил милицейскую карьеру. На «гражданке» поначалу было нелегко, только ведь нам, деревенским, к нагрузкам не привыкать! К тому же 36 лет в милиции моя работа строилась на анализе условий, построении оперативных комбинаций и достижении цели. Теперь я мог применить все это для себя лично.

В результате я - достаточно богатый человек. Но умею делиться. Наша семья по-

строила в Алёшкино храм Николая Чудотворца. Жителям Белого Яра (что в Чердаклинском районе Ульяновской области), решившим поставить новую церковь, я подарил участок земли, выделяю средства. Помогал детским садам, ветеранам, спортсменам, больницам, участвую в акциях родного землячества...

- То есть вы считаете, что обычному человеку стать богатым - реально?

- Безусловно, я же рассказал вам свою биографию. Успех - это маленькие ступени и маленькие победы. Начните с малого, постепенно расширяйте свою мечту, прикладывайте ум и руки, доводите начатое до конца, взвешивайте реальность, будьте самокритичны и в итоге из грузчиков станете тем, кем пожелаете!

- Экс-министр МВД провел пять месяцев в «Лефортово»… Не жестко было на нарах?

- А то я до этого на жестком не спал! Физическими условиями меня не напугать. Да и вообще, я умею смотреть опасности в лицо. Однажды в «Лефортово» мой охранник, полковник, улучил момент, чтобы шепнуть: «Представители Ельцина летали в Америку, договорились: десять дней - расследование, десять дней - суд, и вас расстреляют». Не уверен, было это правдой или меня просто испытывали на прочность, но точно знаю: когда нас выпустили, Ельцин просто негодовал.

- А за что вас, как утверждают знатоки, сильно невзлюбил руководитель президентской охраны Коржаков?

- Ну, об этом надо спросить у него. Возможно, не нравилось, что я имею свое мнение и не спешу тупо выполнять любые приказания. Я уже говорил здесь, что в ельцинское правление началось быстрое сползание к диктатуре, использование репрессивных методов. Подтверждением этому и приведенный пример с Анпиловым.

1991 год. Министр внутренних дел России А. Дунаев в своем служебном кабинете (бывшем кабинете Н. Щёлокова).

- Иосиф Кобзон, рассказывая журналистам о взаимоотношениях с вами, почему-то пожелал вам «царствия небесного»…

- С Иосифом Давыдовичем у нас неплохие взаимоотношения, я большой ценитель и поклонник его дара. В период моей работы начальником криминальной милиции РФ Кобзона якобы поставили на учет как человека с криминальными связями, на основании чего певцу не дают въездную визу в США. Иосиф Давыдович, зная, что на данную тему у меня были разговоры с его «связями», думает, что это Дунаев дал задание поставить его на учет. Однако я к этому не имею отношения. Более того, я приглашался на юбилеи Кобзона, сам его приглашал, мы неоднократно бывали в компании у наших друзей, и в итоге мне самому дважды отказано в американской визе, так как я - «связь» Кобзона.

Думаю, эта досада пройдет. Ну, а в отношении «царствия небесного» скажу словами Марка Твена: «Слухи о моей смерти сильно преувеличены». А еще на это есть русская примета: значит, буду жить долго!

На всесоюзном совещании руководителей уголовного розыска.

- В чем, по-вашему, смысл бытия?

- В нужности твоей жизни другим людям. В том числе - через полезную работу. Когда я пришел к руководству ОАО «Ульяновсккурорт», санатории были в такой нищете, что не платили даже за свет. Десять лет я ни одного рубля оттуда не брал, все направлял на развитие дела, и в 2009 году наш курорт дал 150 миллионов чистой прибыли. В 2010 году мы вновь сработали прибыльно и можно было взять дивиденды, но прибыль я раздал сотрудникам. Кстати, за эти годы в ОАО «Ульяновсккурорт» появились не только новая аппаратура, не просто хорошие врачи, а трое докторов наук. Думаю, специалисты такого уровня - одна из важнейших составляющих оздоровительного процесса.

- Вы строги к подчиненным?

- Неплохо владею и пряником, и кнутом. К тому же голос у меня генеральский, распекать умею, но - за дело, вернее, за безделье, «обломовщину». Хотя понимаю, что, к примеру, Ундоры, где находится лучший ульяновский санаторий, располагают к отдыху и сам обслуживающий персонал. Уникальная природа, древнейшие археологические находки, «серебряная» минеральная вода, которая по целебности превосходит источники Карловых Вар! А недавно ундоровские места вдохновили меня на строительство горнолыжной трассы. К разработке я привлек проектировщиков, работавших для Сочи-2014, и, думаю, лет через пять покататься на лыжах в Ульяновскую область будут стремиться, как во французский Куршавель. У нас такой отдых обойдется куда дешевле, но комфорт мы устроим на европейском уровне.

- Кстати, фамилия у вас - «европейская», Дунай-то не в России течет…

- Я считаю свою фамилию красивой, и, наверное, ее родоначальник был выходцем с Дуная. Хотя известная всем река не одна носит такое название - в европейских странах есть речушки с аналогичным именем. Да и на русском Севере вместо «ручья» говорят «дунай». Современные толкователи приписывают моей фамилии такие качества, как «большой, храбрый, громкий, величественный, яркий». Не знаю, насколько это верно, но не спорить же с «профессионалами», зарабатывающими на толковании деньги?! А вот в одном, без всяких гадалок, я уверен точно - кровь в моих сосудах смешанная: папа у меня русский, мама - мордовка. Дети мои, к сожалению, не знают мордовского языка, но с сестрами я люблю говорить по-эрзянски.

- Чем вам дорога родная земля?

- Я человек не слишком впечатлительный, не слабый духом, но, когда первый раз после того, как стал офицером, подъезжал к своему Алёшкино, у меня слезы текли… Вообще, я пожил в 13 регионах России, везде остались друзья, но нет лучше наших ульяновских мест и людей. Поэтому землячество для меня как островок, куда большие и малые корабли приходят за одинаковой радостью, за роскошью общения на близкие, понятные темы.

- Человек вы деятельный, замеченный в разных проявлениях. Правда, что даже снарядили собственную экспедицию на поиски Янтарной комнаты, спрятанной фашистами?

- Это было в период, когда я руководил Калининградской школой милиции. Тайна Янтарной комнаты тогда в очередной раз взволновала широкую общественность, а также кладоискателей. Варвары-археологи из Риги устроили в поселке Владимирово, бывшем немецком Тарау, настоящий разгром. Узнав об этом, мы с курсантами по возможности устранили последствия, ну и аккуратно обследовали развалины кирхи и близлежащие окрестности. Увы, наша экспедиция не увенчалась успехом, хотя мои ребята очень хотели вернуть стране бесценное произведение искусства. Но они были счастливы участвовать в таинственных поисках национального сокровища.

- Как вы определяете понятие «счастье»?

- Это осуществление своих планов, мечтаний. Кстати, я никогда не мечтал о том, чего не могу достичь сам. Поэтому считаю себя счастливым человеком. И всем своим землякам желаю счастья!

Министры внутренних дел России и СССР В. Бакатин, В. Ерин, В. Рушайло, В. Трушин, А. Дунаев.

